

пать в определенной степени как показатель интенсивности влияния германцев, уровня христианизации и т. п.

В северной, центральной и даже южной Франции, в отличие от Италии, как свидетельствуют об этом источники, дробность имен была очень велика. Но с начала II тысячелетия н. э. начинается новый процесс, количество имен начинает сокращаться и параллельно возрастает количество фамилий и прозвищ. Исследования аббата А. Дюффо по Лангедоку довольно убедительно иллюстрируют этот процесс⁹.

Тот факт, что фамилии знати возникали ранее, чем фамилии горожан и крестьян, нередко трактовался идеалистически. Примером подобного подхода явилась книга Э. Риттера¹⁰. Последний утверждал, что появление фамилии прежде всего было признаком развития личности средневекового человека, которое сначала наблюдается в среде рыцарства и духовенства, затем у горожан и, наконец, у крестьян. Однако подобное объяснение неудовлетворительно. А. Доза, обобщив ряд работ последних ста лет, выдвигает более реалистическую теорию образования фамилий в средневековой Франции. По его мнению, господствующий класс стремился выделиться из общей среды, обособиться, предотвратить просачивание в свою среду представителей из других слоев общества. Феодальные фамилии всегда подчеркивали право собственности их владельца на землю и были как бы знаком собственности. «Если фамилии знати составляли предмет ее гордости, то значительную часть фамилий простонародья составляли фамилии, происшедшие от иронических и уничижительных прозвищ»¹¹

Фамилии горожан и крестьян зафиксированы в основном в документах, закрепляющих права феодала на ренту. Именно учет подданных в целях регулярного получения с них ренты был главной причиной введения фамилии, поскольку по мере уменьшения именного фонда имя становилось все менее точным признаком и не годилось для фиксации. Таким образом, можно констатировать, что развитие фамилий во Франции среди широких масс населения происходило, как правило, сверху. По мере развития феодально-бюрократического аппарата кодификация становилась все более строгой.

Как уже отмечалось, проблема изучения именного фонда во Франции оказалась в центре внимания исследователей в середине 20-х годов нашего столетия. Именно в это время вышла в свет первая часть монографии К. Михаэльсона «Исследования о личных французских именах по спискам парижской тальи»¹² А. Доза считает цикл работ этого ученого лучшим вкладом во французскую антропониимику¹³. Основным источником для К. Михаэльсона явились списки жителей Парижа, которые долж-

⁹ H. Duffaut. Recherches historiques sur les prénoms en Languedoc. Toulouse, 1910.

¹⁰ E. Ritter. Les noms de famille. Paris, 1875.

¹¹ A. Dauzat. Op. cit., p. 39.

¹² K. Michaëlsson. Études sur les noms de personne français d'après les rôles de taille parisiens de 1292 à 1313, vol. 1—2. Uppsala, 1927, 1936.

¹³ A. Dauzat. Op. cit., p. 6.